

Колокольный звон / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Колокольный звон / рассказ КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Памяти заслуженной учительницы С.К.Кучменовой

Не знаю, что это опять со мною, – вчера я снова был на кладбище. Вчера я снова принес на кладбище свое сердце. И снова стоял над могилой своей учительницы. Надгробная, неподвижная тишина запечатлела в моей памяти серую, строгую надпись на сером камне: «Заслуженная учительница РСФСР Малишева Ж. Ч.». Надписи на камне всегда мертвы, но я не могу уйти отсюда, не постояв еще раз у этой могилы, не пробежав глазами по этим каменным строчкам.

Вот и вчера случилось то же самое. Хоронили моего дальнего родственника. На свежую, пахнущую весенней пахотой землю положили хворостину и пузырек из-под духов. Это у нас такой обычай: с покойника снимают мерку хворостиной, ею отмечают размер могилы, а когда похоронят, оставляют мерку на могиле и пузырек – после того, как опрыскают землю. Эфенди степенно достал потрепанный старенький Коран из кармана длиннополого каптала и, сохраняя на лице чуть ли не скучающее благоговейное выражение, сел на низенький табурет. Хотя старики не понимают чужих ветхих слов молитвы, но все же тесным кругом обступили впавшего в бормоту эфенди и внимательно слушают его. А между тем молодые парни – женщинам по закону здесь не место – бестолково разбрелись по кладбищу, ища знакомые могилы.

Мы с моим другом Мурадином тоже побрели между каменных надписей. Мы не говорили друг другу ни слова, но оба хорошо знали, куда мы сейчас пойдем.

Тень от гор еще не падала на это место, но уже чуть-чуть мутнело возле вершин и солнце было слабым, не жарким. День не хотел уходить, задерживался на листьях, скользил по воде, и было так тихо, что хотелось молчания, и мы с другом молчали, печально видя, как все больше и больше могилка нашей

учительницы оседает. Если так будет продолжаться и дальше, то очень скоро она сравняется с землей. Время работает на забвение. Тогда выходит, что нашей учительницы совсем не станет.

Задавая друг другу скорбные вопросы: «Да как же так?», «Неужели все забыли?» – мы с Мурадином смотрим на этот скромный, забытый всеми холмик. Неужто же пропадет и надпись на могильном камне? Неужто сотрется, выцветет до блеклой желтизны и фотография Жануси на плите?

На фотографиях умершие почему-то похожи на обреченных и в чем-то тайно виноватые. Жануся смотрит на нас с карточки, слегка улыбаясь. Кто знает, чему улыбалась она, когда делали этот снимок? Наверное, она была рада, что получила от нас с Мурадином письмо, когда поступили в институт. Мы знали, что она больше всех будет рада нашей удаче...

В сердце закрадывается грусть. Нет, это не та Жануся, которая смотрит сейчас на нас с фотографии откуда-то издалека-издалека. Сейчас в наших воспоминаниях встает перед нами другая, тоже добрая, тоже загадочная и понятливая, какой всегда была Жануся. Она словно спрашивает с этого расплущенного на плите снимка: «Вы часто огорчали меня. Правда ведь часто? Что ж, вы, наверное, теперь жалеете о том?»

Но что мы можем ей ответить? Что огорчали ее, нашу учительницу, – и это правда. Но самое горькое и неизбывное, самое стыдное то, что и по сей день мы никак не можем забыть, как в ту памятную зиму, когда лютовали жестокие холода, мы заставили плакать Жанусю. Мы хорошо знаем, что были виноваты, много раз виноваты, вот почему сейчас нам с Мурадином нечего сказать в свое оправдание.

А Жануся – доброе, нежное сердце – так приветливо смотрит на нас с плоской, успевшей пожухнуть карточки, словно утешая нас, словно хочет сказать, что все давно забыла и ничего на сердце не держит, что простила нас еще живая, еще давняя-давняя, прежняя...

Мы отступаем назад на шаг и молча опускаем головы, как будто и сейчас видим ее в латаной-перелатаной, коротковатой и маловатой телогрейке и в тяжелом материнском сильно поношенном

платке, видим, как она ходит от ворот до других ворот...
Что сойдет с одного языка – перебежит на сто чужих языков. Такая у нас пословица есть. Верная пословица, что и говорить. Один аллах ведает, кто первый назвал нашу Жанусю «Собачьей дразнилкой». Конечно, не со зла, а так, ненароком сорвалось с чьего-то языка. Трудное было время, не до того было, чтобы учить детей грамоте, пускать их в школу. Так и пристало это прозвище к ней с тех пор. «Снова пришла дочь Малишевых!» – говорили женщины, заведя в окно стоящую у ворот девушку. «Дразнилка собак! Чего с нее взять?» – говорили, чье сердце успело ожесточиться. «Ничего! у нее сердце терпеливое!» – говорили те, кто еще помнил уважение к учительскому труду. Война. Голод. Вечное недоедание, пустой желудок. Все это ожесточало, делало совесть людскую слепой. А еще совсем недавно, еще вчера эти женщины восторженно делились друг с другом:

- И что за умница дочь Гаштасы!
- И не говорите! – подхватывали еще более восторженные. – Грамотная. Слово сам Жабаги [1] ее выучил.
- Берите с нее пример! – поучали женщины своих детей.

[1] Жабаги – адыгейский мудрец XVI – XVII в.

Но сейчас матерям нужна была не грамота – не до нее было. А надо, чтобы война поскорее кончилась и вернулись домой мужья, и еще – только бы дети не голодали и не болели. А то спросят вернувшиеся с войны с них, женщин аула, мол, не уберегли, не спасли детей.

– У нас нет, милая, таких детей, которых можно пускать мерзнуть. Не школа у вас, а решето.. Ветер свищет. Холодина несусветная.

– А за книги и тетради платить? – подхватывала жалостливо другая. – Было бы хоть за банку муки что заплатить. И-эх, дороговизна!

– Я тоже сижу в школе, – потупив глаза, отвечала учительница, и губы у нее обиженно вздрагивали, – я тоже мерзну Но разве в этом дело? Всем сейчас плохо приходится.

– А ты даром не мерзнешь, – возражали бойкие и злые на язык старухи. – Слава богу, и одета и обута...

– Да что на ней такого? – вступились совестливые. – Материн платок и старая телогрейка покойницы бабки...

– Клянусь аллахом, милая, хоть убей меня, а сына я не пущу в школу!

Женщины аула ежились на холоде, надвигали еще ниже на глаза обветшавшие платки. Им некогда было жалеть себя – вся душа уходила на ожидание и печаль.

– Убивать я не собираюсь, но детей своих вы должны учить. Советская власть, государство не позволят остаться неучами. И я не позволю! – Голос у Жануси предательски срывался и звенел, но она изо всех сил старалась не показать своей слабинки. – Пожалуюсь в сельсовет, там поговорят с вами как следует, – и снова не выдерживала непонятного ей упрямства матерей, повышала голос до официальных, строгих ноток учительницы.

– Пусть вызывают! – словно только и ждали этого момента, кричали ей вслед раздосадованные переменой настроения Жануси женщины. – Нашла чем грозить! Если и вызовут, что с нас взять! А Жануся, коря себя в душе за неуместную и опрометчивую вспыльчивость, тут же возвращалась, чтобы загладить свою «вину», и неуклюже, след в след, в своих разношенных чувяках топала за хозяйкой в дом, сопровождаемая остервенелым лаем разбуженной громким разговором дворняжки.

В доме ей тут же находилась работа. Она, опустив на плечи платок и расстегнув телогрейку, писала под дотошную и строгую диктовку хозяйки, отмякшей от ее доброты, письма на фронт, а закончив писать, принималась, почти не глядя в истертые странички, читать в который раз береженные военные треугольники.

Так всегда заканчивались все стычки Жануси с нашими матерями из-за нас, мальчишек, слишком рано узнавших и тяжелый крестьянский труд, и каждодневную заботу о куске сырого и липкого хлеба военного времени. А прозвище – Дразнилка собак, ненароком, в пылу перепалки сорвавшееся с чьего-то языка, мы, аульские сорванцы, услышав от взрослых, тут же подхватили и при случае, рассердившись на нашу Жанусю, тоже называли ее

так.

Нашей учительнице, бывало, все нипочем. Как ни в чем не бывало, на следующее же утро она окликала с дороги замешкавшуюся во дворе женщину:

— Как поживаешь, Жанзиля? Что пишет Мурзабач? Какие новости у тебя?

Это она старалась увлечь разговором и задобрить мать Мурадина, расстроенную молчанием мужа и нехватками в семье.

— Никаких новостей, милая, — вздыхала Жанзиля и с надеждой спрашивала сама: — А что пишут в газетах? Что там слышно-то?

А Жанусе только этого и надо — отклика, внимания, душевной расположенности. Она оживленно, блестя радостными в этот момент глазами, захлеб сообщает:

— Немцев-то ух как разнесли под Сталинградом! Теперь война скоро кончится. Вернется с фронта и твой Мурзабач...

— Дай-то бог! — боясь сглазу, перебивает ее измученная ожиданием Жанзиля и вдруг недоверчиво заглядывает в глаза Жануси. — А правда ли, что войне скоро конец?

— Правда, правда, Жанзиля! Гитлеру теперь конец! Он что хотел? Хотел столкнуть друг с другом, поссорить кавказцев, мол, сами себе глотки перегрызут! Очень фюрер надеялся на своего пса Паулюса. А его теперь в клочки разнесли под Сталинградом, честное слово!

— Как же это понимать? — все еще сомневалась Жанзиля. — Паулюса нет, а война воюет...

— Ох, Жанзиля, у Гитлера Паулюс не один. Их как саранчи у него! Только меньше их стало. Много меньше. И нахрапу меньше — сбили наши с них победный гонор-то.

— Тогда это еще не скоро, — разочарованно спешит закончить утративший интерес разговор Жанзиля.

А Жануся спохватывается о своем, стараясь задержать женщину для главного разговора:

— Нет-нет, Жанзиля, теперь уже скоро, теперь уже позиции переменялись, теперь мы гоним, а они пьются в обратную! — и тут вставляет в разговор как бы ненароком: — Вот вернется Мурзабач, а сыновья его стали мужчинами. И он спросит с гордостью у них: «Ну, как учитеесь? Чего достигли, пока я

Родину защищал?» А что им ответить отцу? Мурадин ваш и вчера и позавчера не показывался в школе. Или, может, не дай бог, заболел?..

– Нет, не заболел, сохрани его аллах, – уклончиво отводит глаза в сторону мать Мурадина. – Сама знаешь, один он у меня помощник, один на всю ораву. Позавчера привез из лесу саночки с топливом, а вчера возил дровишки на базар. Банку с половиной кукурузы выручил! – с гордостью за оборотливость сына прибавляет она к разговору, а потом вдруг сердито говорит Жанусе: – Вот сказала только что, будто обидится наш Мурзабач, что детям не до учебы... А если вернется, а дети с голоду распухли? Тогда как я ему в глаза его укоряющие гляну?

И Жануся снова бралась за свою палочку-выручалочку: быстро заходила в дом, искала бумагу и карандаш, выжидательно смотрела на хозяйку. Разве тут устоишь! Жанзиля, оставив домашние дела, подсаживалась рядом и принималась диктовать немудреные новости, приветы и пожелания своему Мурзабачу, хотя надобности в том особой не было – мы с Мурадином тогда уже хорошо умели и читать и писать. Но было в ауле такое поверье, что письмо, записанное Жанусей, быстрее найдет адресата и быстрее вернется на него ответ.

– Пусть бог пошлет тебе счастья за твою грамотность и доброе сердце безотказное, – говорили женщины и покорно соглашались: – Хоть сами неученые, все ж понимаем, что учиться – дело хорошее. Разве ж мы против ученья, да вот нужда-злодейка, у нее свое мнение...

– Вы сегодня его в лес послали? – услышав слова Жанзили о занятости Мурадина, встрепелась Жануся, при этом взгляд ее случайно остановился на кукурузе, заботливо пристроенной на печи, и она смущенно опускает глаза.

– Нет, милая, сегодня его в лес не посылала. И завтра мы не будем заниматься базарными делами. Даст аллах, завтра и придет к тебе на ученье... А сегодня, – Жанзиля развела руками, огляделась по сторонам, – сегодня пусть отдохнет от работы и заботы. На речке они, поди, на Шалушке. Глядишь и вернутся к началу занятий. Видно, юлу там крутят... Так и быть, пришлю его к тебе, как вернется, – отважно, глазом не моргнув, солгала

Жанзиля, ведь сама она хорошо знала, что и сегодня мы с Мурадином раным-рано отправились в дальний лес за дровами, а завтра – снова на базар. Но не могла Жанзиля сейчас же огорчить Жанусю, сообщившую только что ей об уже недалекой победе над немцем, а там и возвращении домой мужчин. К тому же учительница написала ей письмо к Мурзабачу... И теперь незадачливая мать оказалась между двух огней...

– Побудь еще, Жануся, – виноватым голосом сказала хозяйка. – Я сейчас, я быстро. Вот смелю кукурузу и приготовлю поесть, – радушно прибавила к разговору Жанзиля и полезла под кровать за ручной мельницей, безотказной кормилицей голодных и холодных лет.

До сих пор не могу смотреть без замирания сердца на эти, теперь уже обосновавшиеся на чердаках и в сараях среди прочей рухляди, немудреные «механизмы». Уверен, не с одним мной происходит такое! Ведь как-никак, а умиротворяла она нас своим сбивчивым, аппетитным шуршанием. И дух от нее исходил теплый, хлебный, сытный. И мать наша, крутя ручку мельницы, добрела лицом, и из глаз ее уходило на время хмурое беспокойство и настороженность. Мама осторожно, закончив молоть, оглаживала ее сколоченные из шершавых досок бока, как раньше оглаживала подоенную и нежно дышащую ей в лицо корову...

А механизм ее и впрямь был немудрящий. На деревянной подставке, похожей на табуретку, был закреплен железный валик с насечкой. На него надевалась втулка, позаимствованная у телеги. Внутри втулка была обернута толстой проволокой, к ней же крепилась и ручка. Когда ручку крутили по часовой стрелке, зубья вала терлись друг о дружку, а перемолотая таким образом кукуруза сыпалась через наклоненный желобок. Зубья часто перетирались, и валик плохо захватывал зерна, прокручивался вхолостую. Но люди, видя, как кукуруза все же становится легкими мучнистыми хлопьями, не жалея сил и времени, крутили и крутили ручку, лишь бы было что бросить в прожорливую воронку... Тогда у Жанзили было целое богатство – целая с половиной банка кукурузы! Да еще была надежда, что дрова, которые должен привезти из леса Мурадин, будут завтра проданы на базаре, а значит – в доме снова появится кукуруза...

Но Жануся не могла воспользоваться гостеприимством этого дома. Поблагодарив хозяйку за приглашение, она поспешила к выходу, сославшись на неотложные дела.

– Да подожди ты, детка! Вот ведь неугомонная какая, – поднялась с пола Жанзиля и отряхнула платье на коленях.

– Дай бог, чтобы хлеб ваш богател, Жанзиля. А я спешу. Нужно еще домов пять-шесть обойти.

– Останься, аллахом прошу.

– Нет-нет, Жанзиля, мне нельзя, если хотите, и письмо ваше захвачу, пораньше брошу...

– Спасибо, мой свет! Пусть больших хлопот у тебя не будет. Дай бог, чтобы и мы отплатили тебе добром за заботу. – Жанзиля проводила девушку до ворот, мучимая тайными угрызениями совести.

– Что-то запаздывает Мурадин, – Жануся посмотрела на небо, чтобы по солнцу определить время. Но от густого, изморозного тумана, упавшего на аул в то утро, не было видно ни солнца, ни неба. – Я прошу тебя, Жанзиля, если можно, пусть ребята не запаздывают, придут вовремя. Мы и так отстаем от программы. А новые темы до конца четверти просто необходимо усвоить.

Жануся теперь спешила к нашему дому. Жанзиля, увидев, куда направилась учительница, вернула ее: хоть ноги у Жануси молодые да резвые, а все же не казенные.

– А Лабид-то вместе с моим мальчишкой, детка. Жануся послушно идет к другим домам и вскоре скрывается из глаз Жанзили, замешкавшейся у своих ворот. А когда та было собралась в дом, учительница, быстрая и неугомонная, снова тут как тут, словно из-под земли выросла, и опять за свое – не вернулись ли Мурадин с Лабидом.

Потеряв терпение, Жануся решается сбегать на речку, чтобы собрать мальчишек в школу. «А что тут особенного? – успокаивает она себя и сокрушенно вздыхает. – Конечно, я для них – девчонка, не авторитет...»

На речке пусто и тоскливо, как и на душе у расстроенной Жануси. Шалушка крепко-накрепко скована льдом да еще плотно укутана бесконечным и непроглядным туманом. Жануся, не умеющая верить в обман, старательно всматривается в белесую мглу,

зовет, прислушивается. Но ни пятнышка, ни шороха, ни малейшего движения...

Лед лежит, будто спит – ни следка, ни полозьев.

«Да тут с прошлого снегопада никто и не проходил! – не веря своим глазам, удивляется Жануся. – Неужели что случилось с ребятами?» И спросить не у кого. А ей и невдомек, что Жанзиля обманула ее, не желая обижать горькой правдой. «С чего ей обманывать меня? Она, бедняжка, сама жаловалась мне, открывала сердце. Вот и накормить меня хотела – чуть ли не силой вырвалась от нее, ведь у них своих ртов хватает. Она-то меня не обманула, да только не пойму, куда девались сорванцы. Может, случилось что? А я тут прохлаждаюсь!» – С этими тревожными мыслями Жануся поспешно спускается на лед, прыгает, стучит в него разношенными чувяками. Слава богу, лед такой прочный, что даже не скрипнул под ней – ему теперь лежать да лежать до самой весны, такой далекой и ненадежной, как само настроение отчаявшейся девушки.

У Жануси опустились руки. А тут еще холод подобрался к ней. Старенькая, вытертая телогрейка совсем промерзла, холодила спину. Жанусю даже бросило в озноб. Благо никто не видит учительницу! Жануся, по-девчоночьи размахивая руками, разбегается и хочет катиться по льду, чтобы согреться. Но что такое? Или быстрый и легкий лед ушел от нее вместе с ее еще таким недалеким детством? Или виноваты ее сшитые из сыромятных кусочков чувяки? Только ноги прилипают к крупитчатому, шершавому льду, вязнут и не пускают ее вперед к легкому скольжению, полету... Но Жануся не сдается, потому что настроение ее на морозном воздухе поправилось, и она шутливо и громко сказала своим неуклюжим чувякам:

– Ну, а с той вон горки вы понесете меня, мои салазочки?

Девушка весело посмотрела на свои гончарыки и побежала к горке, которую обтекала речка Шалушка. Горка была крутая, захватывающая дух, накатанная саночными полозьями: по такому спуску и Жанусины гончарыки понесут! Но девушке не до катания – она просто подбадривает себя шуткой, пытаясь заглушить сомнения, закравшиеся в сердце – а правда ли, что ребята, ее ученики, не уехали по дрова? Она бежит на горку, чтобы

осмотреться с высоты. На горке Жануся замирает в нерешительности, так как дорога, ведущая в лес, раздваивается и расплывается вдалеке, пустынная и какая-то безнадежная на ожидания встречи.

– Пока я буду искать их, – вслух рассуждает Жануся, – и обед отойдет, ребята соберутся в классе, а занятия проводить некому – учительница сломя голову бежит за Лабидом и Мурадином! Хороша же я буду! Лучше вернусь...

Девушка совсем уж было собралась спуститься с горы, чтобы как можно скорее вернуться в аул, как услышала чуть различимый, дальний скрип снега под полозьями.

– Неужели они? – сердце у Жануси радостно екнуло.

Но она тут же убедила себя, что мальчишки не могут без крика, и что она обязательно услышала бы их голоса вместе со скрипом полозьев. Она хмуро поднялась и повернулась спиной к дороге, даже успела сделать несколько шагов в сторону аула, когда из-за завесы искристого тумана вынырнула с тяжело нагруженными санями невестка Адиловых – Масират.

На Масират тоже гончарыки, но сверху прикрыты ноговицами. Теплый платок и пальтушку она бросила на сани – жарко! На ней только платье, да кофта, да легкая косынка на растрепавшихся волосах, брови и длинные ресницы – в иное, а глаза и щеки горят – от быстрого движения и избытка здоровья.

– Ой, Масират! Какая же ты красавица! Красивее красивого! Вот бы сейчас фотографа сюда, а фотокарточку – на большую выставку, чтобы все-все смогли увидеть и залюбоваться тобой, – Жануся замерла перед ней, забыв и про холод, и про свои озноб, словно один вид разгоряченной Масират согрел ее лучше овчины. – А еще лучше, если бы сейчас увидел тебя твой Задин! Ох, у. воевал бы, ох, и бил бы он фрицев после! Глаза-то, глаза у тебя, Масират, ну точно два гнедых необъезженных скакуна!..

– Да что это с тобой, Жануся, сегодня? Или впервые видишь меня? – добродушно отшучивается от восторгов девушки Масират.

– Он, правда, только сегодня я и рассмотрела тебя!

– А секрет моей красоты, милая, простой, – смеется Масират. – Хочешь быть красивой – впрягайся в сани да в лес!

– Все равно, Масират, мне за тобой не угнаться, а то бы и

вправду не поленилась! Да и забота моя сейчас не о собственной красоте... Вот стою, втянув от холода голову в плечи, как сова... Разбежались мои ученики кто куда... Давай хоть тебе помогу, – и Жануся взялась вместе с Масират за оглобли ее саней.

– Что, все же хочешь стать красивой? – Масират сверкает в добродушной улыбке ровными чистыми зубами.

– Смейся, смейся! А все же, если б сюда фотоаппарат, я бы тебя сняла и послала фото Задину. Вот только туман, пожалуй, помешал бы снимать.

– Ничего, не было бы страшной печали...

– А что пишет твой Задин? Не волнуйся, теперь Гитлеру недолго осталось кровь людскую пить. Немцев-то разгромили под Сталинградом, слышала? – Жануся не упускает малейшей возможности, чтобы не оповестить аульчан о радостных событиях. В благодарность за добрые вести и пожелания Масират как бы ненароком спросила:

– Про каких учеников ты давеча поминала? Не про Мурадина ли с Лабидом?

– Про них, про них, – насторожилась Жануся. – Неужто видела их, а, Масират?

– У большого поворота и видела...

Масират виновато опускает глаза из неловкости перед девушкой, которую недавно хотела обмануть, вернее, утаить от нее из рабочей солидарности о встрече с мальчишками. Масират непонятно рвение этой маленькой и тщедушной, но настырной девчонки, бегущей за учениками и, по мнению Масират, да и не только ее, унижающейся перед мальцами... Было бы из-за чего! Если сами не хотят думать о своей пользе, то ей-то что, больше всех надо? Но, уловив радость в голосе Жануси, она снисходительно пояснила:

– У Лабиды, видно, санки сломались...

– А ты так и уехала, не подсобив, – изменилась в лице от беспокойства за ребят Жануся.

– Да без меня справились!.. – Масират невольно пожалела глазами девушку за ее простоту. – Это для тебя они все еще маленькие, все еще детки. Присмотрись к ним получше – люди-то в нужде быстро уму-разуму научаются, а дети – взрослеют.

Но Жануся вовсе и не слушает ее. Она уже далеко. И между ними плотный, непроглядный туман. А Масират с новой силой налегает на свою поклажу и смущенно думает, качая головой: «Вот ведь к чему ученье-то приводит... Пусть что хотят говорят, а книжки-тетрадки жизнь не заменят! Вот ведь ничего не видит вокруг себя, словно не на земле живет...»

Мурадин ехал впереди, я – за ним. Я даже не заметил, как мы лоб в лоб налетели на Жанусю, поднимавшуюся в гору нам навстречу. Мурадин, чтобы не сбить ее с ног, толкнул сани в сторону, иначе остановить их было нельзя. Я тоже последовал его примеру, но мои сани не послушались меня, наехали на Мурадиновы, ударились о них и чуть не придавили меня. Мы с Мурадином расцепляем сани, растаскиваем их в стороны и стоим молча, опустив головы, перед нашей учительницей, будто уличила она нас в немыслимом преступлении... И вдруг слышим нежный и оправдывающийся голосок Жануси:

– Тебе больно, Лабид? – она беспокойно оглядывает меня. – Я виновата... Вы так неожиданно налетели на меня, а все этот туман...

– Нет, совсем не больно, – говорю я, не поднимая глаз.

Жануся облегченно вздыхает.

– Тогда поскорее домой, а то в школу опоздаете!

Судя по всему, учительнице неловко с нами, и она говорит и говорит, чтобы мы не заметили ее смущение.

– Я встретила Масират... Она сказала, что бок саней у тебя, Мурадин, ой, нет, у Лабиды... Так вот, бок саней развалился. Вот я и побежала... Думала, замерзнете.

А мы с Мурадином молчим и молчим, словно нет у нас ни одного слова ни в голове, ни на языке. И все оттого, что ни вчера, ни позавчера не были в школе, сегодня, ясно, тоже не пойдем, а завтра нам позарез нужно на базар... Что мы скажем ей? Вот и молчим как рыбы.

– Далеко были? – не унимается Жануся. – Какие хорошие сухие дрова! Их наверняка сразу купят – с руками оторвут! Не просите очень уж дорого, продайте быстрее, как раз к школе и успеете!.. – Что с нее возьмешь? У нее известная песня. – Правда, Мурадин? Правда, Лабид?

Жануся смотрит на нас открыто и доверчиво. А мы смотрим друг на друга, потому что нам хочется знать, как она догадалась, что дрова эти на продажу? Она сейчас так ласкова с нами, и нам с Мурадином это удивительно. И мы недоверчиво решаем про себя, что потом она, конечно, отругает обоих как следует, лишь появившись в школе. Может, даже отведет к директору, чтобы тот надрал нам уши...

– Вы рано сегодня уехали... Молодцы, вот к урокам и поспеете! Давайте я повезу сани Мурадина, а вы вдвоем – сани Лабиды.

– Не хочу, я сам, – впервые подал сердито голос Мурадин и крепко вцепился в свои сани.

– Да я что! – опешила Жануся. – Я разве считаю тебя слабым? Просто я намерзлась и хочу согреться... Давай-ка тогда, Лабид, твои сани.

– Нет, не надо, – и я пчусь от Жануси, от ее непрошеной помощи.

Жанусе ничего не остается, как спрятать поглубже свои обиды и недоумения, и она бодрым голосом говорит:

– Давайте поднажмем, раз вы оба такие силачи, может, нагоним Масират и поможем ей вытянуть сани из-под горки. – Исподволь Жануся снова берется за мои санки и приветливо заглядывает в мои зрачки.

– Не хочу. На спуске я сам, – снова говорю я и отвожу руку учительницы, ведь если кто из ребят увидит, что она везет вместе со мной мои санки, то засмеют непременно, сраму не оберешься, хоть на улицу не выходи, а такое меня совсем не устраивает. Да и было бы из-за кого, а то из-за Жануси! Она, чтобы в школу заманить, не только в санки, в лошажий воз впряжется. К тому же учительница-то всего на каких-нибудь четыре-пять лет и старше нас, и нам, мальчишкам, иногда кажется, что она просто девчонка и никакая не учительница, разве что ее слушается директор, а Жануся может пожаловаться. В этом вся и разница! И чтобы она еще везла сани вместе со мной! Да ни за что на свете!

– Давай скорей! Сколько можно мешкать! – ору я на Мурадина.

– Ой, я словно жеребенок возле вас! – бежит рядом Жануся и смеется – ну совсем девчонка! – Тогда посадите меня на дрова!

Ой, хочу с горки прокатиться!

Вот ведь что удумала! С нее станет. А нам с Мурадином после и на улице не показывайся – учительницу в санях катали... Позорище! Я про себя аллахом поклялся, что ни за что не посажу к себе Жанусю. Мурадин как хочет, может и посадить, но только не я, и сразу оцениваю момент – лучше отказаться первому, и быстро выкрикиваю:

– У меня только что ломались сани... Лучше на Мурадиновы...

Мурадин на мое предательство только зло сверкнул глазами.

– Мне все равно, на какие посадите, просто не хочется порожняком бежать следом, – Жануся подсаживается к Мурадину.

Мурадин робеет и не решается возражать. Он снова бросает злой взгляд в мою сторону и берется за сани. Мы трогаем в путь.

Девушка и на сани-то не села. Она бежит рядом, подталкивает их, подправляет, если накрелятся на бугорке, а если и присядет, то помогает ходу одной ногой... Так санки и катятся, легко и плавно. Я тоже, глядя на нее, качусь, опираясь на полозья ногами и крепко вцепившись в задок саней. Так мы подкатываем к Шалушкинскому обрыву. Жануся отпускает санки Мурадина и отпрыгивает в сторону, затем, пропустив меня, она, запыхавшись, идет сзади, чувствую ее у себя за спиной по сбивчивому дыханию. Оборачиваюсь и вижу, что она скользит, словно на лыжах, катится по следам полозьев – не удержать! Разве это учительница? Вот еще! Да она девчонка-ровесница! Катается! И я радостно бегу к реке.

Мы с Мурадином выруливаем к проруби, куда наши приводят скот на водопой. Мы ложимся животами на лед и, наклонившись над черной-пречерной, лоснящейся, как деготь, неподвижной водой, видим себя близко-близко, взъерошенных и смешных и словно тянущихся нам же навстречу. И тут же на нас налетает Жануся и, как все девчонки, все портит.

– Вы что делаете, негодники! С ума сошли! Разве вы не знаете, что разгоряченными нельзя и прикасаться к студеной воде? А ну вставайте.

У нас с Мурадином сразу же пропала охота смотреться в прорубь, тем более пить из нее. Мы смотрим друг на друга скучными глазами, мол, что надо от нас этой Дразнилке собак? Ладно бы в

школе, а то нигде жизни от нее не стало: то нельзя, это вредно. Так и жить совсем неинтересно станет.

А Жануся не унимается.

– Эй, кому я говорю! Вы долго еще будете своими животами плавить лед? – Жануся уже стоит между нами. Она наклоняется и за шиворот поднимает нас со льда. Мы смотрим на нее и понимаем: нет, она не девчонка, она не наша ровесница. Это всего-навсего дочь Малишева Чатби – Жануся. Скучная, как все взрослые. Одним словом – учительница. Мы послушно поднимаемся со льда, отряхиваемся, уныло топчемся на месте, свесив вдруг ставшие неуместными руки. Это мы вспомнили, как надо стоять перед учителем...

– Обиделись, как ленивая невестка, – укоряет нас почему-то Жануся, будто ей есть дело до нашего настроения. – Взрослые, почти мужчины, а не понимаете, что от холодной воды можно на тот свет отправиться...

Ну, началось! Теперь только слушай... А лучше вовсе не слушать, а вспоминать под ровное и внушительное жужжание ее голоса о чем-нибудь хорошем, например, о перочинном ножике, который видел вчера на базаре у барышника, или мечтать, когда вырасту, о настоящем коне, который унесет меня далеко-далеко, где не будет нудных нотаций вообразившей себя всезнайкой Малишевой...

– Только и осталось теперь заболеть, – слышу как сквозь сон, как жужжанье заблудившейся и ударяющейся в стекла мухи, голос учительницы, – а вчера и позавчера мы приступили к новой теме. Вы уже и теперь отстали от товарищей. Что ж, будем заниматься отдельно, после уроков, чтобы наверстать упущенное... Чьи сани тяжелее? По очереди буду помогать вам. А теперь пошли.

Жануся снова берется за сани Мурадина, и мы покорно трогаемся с места. Дорога забирает на крутизну аульного берега, и сани не слушаются, норовят скатиться обратно на лед.

– Масират, бедняжка, одна надрывалась... Ты пока подожди, Лабид, сейчас справимся с санями Мурадина и тебе поможем.

Как только они немного отделились от меня, я сильно рванул с места, начал карабкаться за ними.

– Кому я сказала, оболтус, хочешь надорваться, да? – сердито закричала она мне.

Это было уже слишком, даже мать, даже, наверно, отец наш, не то что эта зазнайка, не позволили бы с нами такого. Мне Жанусины игрушки надоели. Но что поделаешь, попробуй-ка не послушаться. Если вовремя не остановлюсь, не поглядит, что я – «взрослый, почти что мужчина», как называла только что нас с Мурадином; тут же так выкрутит уши, что будут неделю полыхать, как факелы. Уж что-что, а это она умеет, и глазом не сморгнет. Это только с виду она добренькая, да ласковая, да безобидная...

– Куда вас несет! Только надорвитесь, только заболейте попробуйте! Вам еще учиться да учиться надо. Не такое у нас время, чтобы не думать о себе, – голос у Жануси то ласковый, то злой. Мы с Мурадином совсем растерялись: не было с нами еще такого, чтобы нас одной рукой гладили, а другой – угощали тумаками.

– А теперь слушайте меня и без лишних разговоров выполняйте, – совсем раскомандовалась Жануся. – Привязываем друг к другу сани, я становлюсь посередине, а вы по обеим сторонам, поняли меня? И так до самого села.

– Но если нас увидят? – не выдерживаю я, потому что готов пожертвовать собственными ушами, чтобы избежать невиданного позора.

– Пусть видят, – отрезала Жануся. – Мы везем два воза дров из леса. Только и всего. А пока будем ехать, я расскажу вам уроки позапрошлого дня.

Мы молчали. Мы каменели под ее взглядом, отчаявшись что-либо переменить.

Жануся, как только мы тронулись с места в установленном ею порядке, начала пересказывать нам «Капитанскую дочку» Пушкина. Про любовь мы, конечно, прослушали, а вот про Пугачева!..

– Вы слушаете меня? – то и дело приговаривала Жануся и сильно сердила этим нас, потому что нам хотелось узнать, что дальше, а селение неумолимо приближалось, грозя оборвать рассказ учительницы на самом интересном месте. – Нет, видно, не слушаете... Ладно, устали, конечно, проголодались. А Жанзиля готовит вам кукурузную пасту и ждет не дождется своего работничка...

– Валлаги, мы слушаем тебя, – тщетно стараемся мы с Мурадином

заставить Жанусю поверить нам, удивленные ее непониманием.

– Посмотрим завтра, как вы усвоили материал, – сухо говорит нам она и обиженно поджимает губы. – Сегодня вечером прочитаете первую часть книги и не ленитесь – завтра спрошу.

Незаметно день стал проясняться. Да и время было ему прояснеть, близилось оно к обеду, к самой середине, пусть и кургузой, зимней, но оттого еще более дорогой и желанной.

– А теперь, Лабид, – вдруг поворачивается ко мне Жануся, – сани домой отвезти ты не успеешь, опоздаешь в школу, так что пока завезешь их к Мурадину, а вечером захватишь... Да и везти домой, наверно, смысла нет – все равно завтра на базар вместе с Мурадином. Только ради бога не опаздывайте! Потом будете жалеть, поверьте пока мне на слово. Война кончится, и придет другая, мирная и добрая жизнь. А к ней надо готовиться уже сейчас, ведь для интересной работы, которая вам предстоит, нужны знания и еще раз знания!

Жануся оставила нас в покое только тогда, когда мы свернули в ворота Мурадина.

– Ты тоже заходи, – пригласил Мурадин.

– Нет-нет, я вас здесь подожду.

Жануся осталась у ворот. Она, конечно, знала, что Жанзиля обязательно выбежит к ней, узнав от сына, что она осталась у ворот, приговаривая: «Заходи, поешь!» И конечно, ни за что не отпустит, не разделив пасты на всех. «Как ей сразу два посторонних рта накормить?» – тут же решила про себя учительница и благоразумно отошла подальше от ворот, чтобы не попасться на глаза Жанзиле.

Мы с Мурадином, радуясь временной свободе, кинулись в дом. Но в доме было пусто: ни Жанзили, ни кукурузной пасты, обещанной нам Жанусей. Что делать? Только сейчас мы как следует почувствовали, как устали и проголодались. Если пойдем прямо сейчас в школу, то как дотерпим до конца занятий? Жануся ведь сказала, что оставит нас и после занятий...

– Давай не пойдем в школу, Мурадин, – первым не выдержал я. Сказал я ему об этом шепотом, словно боялся, что меня услышит с улицы Жануся.

– А та, что стоит у ворот, отпустит нас? – Мурадин

выразительно кивнул головой в сторону своих ворот. Видно было по выражению лица, что Мурадину в школу тоже не хочется.

– Конечно, не отпустит! – испугался я, что Мурадин может испортить все дело. – Мы спрячемся, и она не найдет нас.

– Это стыдно, Лабид, – Мурадин почему-то сморщился, будто собирался расплакаться, и прибавил: – Разве не жалко ее?

– А нас тебе не жалко? – рассердился я на Мурадина за то, наверно, что он оказался лучше, добрее меня. – Ну, если хочешь, идем в школу...

– И правда, пойдем, – неожиданно согласился Мурадин, оглядываясь на братишек и сестренку, чьи глазенки блестели у кого из-за печки, у кого из-под одеяла, куда их загнал набравшийся за ночь холод.

Приоткрыв слегка дверь, мы выглядываем на улицу. Учительницы у ворот нет, не видно ее и около дома. Мы, не сговариваясь, выскальзываем за дверь, стрелой мчимся в хлев. В хлеву пусто и холодно, нет здесь больше ни коровы, ни овечек... Все повывела война. Только в углу – ворох сена. Мы и забрались в него. Смотрим в шелку меж бревен и вдруг видим нашу Жанусю, тревожно озирающуюся у ворот. Конечно, она уже остыла с дороги и даже успела замерзнуть. Нам-то и в сене зябко, а каково ей на ветру! И мы надеемся, что холод прогонит ее в школу без нас и все обойдется как нельзя лучше.

Когда холод и голод окончательно доконали нас, мы стали проклинать нашу учительницу, стойко остававшуюся до сих пор на своем посту у ворот Мурадина. Если бы не ее настойчивость, сидели бы по крайней мере в доме и печку можно было бы затопить.

– Вчера Зиля [1] готовила солянку, – мечтательно, проглатывая непрошеную слюнку, сказал Мурадин. – Наверно, еще осталась... Хотя бы соляночкой червячка заморить!

[1] Зиля – Жанзиля (уменьшительное).

Мы снова с надеждой припадаем к своей щелке – Жануся, не выдержав, заходит в ворота, мы с Мурадином обмениваемся

понимающим взглядом и с головой прячемся в сено. Нам слышно, как учительница ходит по двору, проходит мимо нас, заходит в дом. Да только где ей нас найти, раз нас там нет! Жануся снова во дворе. Она зовет нас, а мы еще глубже зарываемся в сено и ни гугу! Лежим, не дышим -- только бы пронесло...

– Ушла, – шепчу Мурадину, осторожно заглядывая в щелку.

Мурадин со вздохом облегчения вылезает из сена.

– Хотя и вышла, а не уходит. Прячься, Мурадин, смотрит в нашу сторону. Ох, и дотошная же!..

– Может, пойдем все-таки в школу, – теперь предлагаю уже я сам.

– Да ты что! – пугается Мурадин. – Это после того, как мы ее столько злили? Да разве можно ей теперь показываться на глаза! Только выйди попробуй – она тебя на кусочки разнесет...

– Что ж нам так и сидеть теперь в сене, словно каким-то мышам, испуганным котом? Я есть хочу...

– Да, сейчас бы солянки, – соглашается со мной Мурадин. – Ой-ой, Лабид! Кажется, Дразнилка собак уходит.

Мурадин так и прилип к щелке. Я тоже прикипаю к ней, расплющивая нос и не чувствуя боли.

– По-моему, она плачет, Мурадин, – говорю я.

– Отчего ей плакать? Что мы ей сделали такого? Наверно, это от холода у нее, так бывает, я знаю...

– А мы разве не замерзли? Сама виновата. Зачем ей было стоять столько времени на морозе! – злюсь я, только уже не на учительницу, а на какое-то незнакомое, неприятное ощущение где-то внутри меня самого. Мне еще непонятно, что это такое и почему оно сердит меня и расстраивает, и откуда оно взялось, хотя минуту назад такого во мне не было и в помине.

– А сама Дразнилка почему не проголодалась: что, не человек она? Вон-вон, уходит, слава аллаху. Валлагги, она и вправду плачет. – Голос у Мурадина, несмотря на бодрый тон, расстроенный, а весь он какой-то тусклый и вялый.

Уходя со двора, Жануся вдруг оборачивается, и мы видим ее слезы, видим, что она плачет и не скрывает своих слез, потому что уверена – ее никто не видит...

Мы сидим долго на сене, забыв про голод, холод и усталость, и

смотрим друг на друга. Потом Мурадин совсем взрослым и каким-то не своим, отстраненным голосом говорит:

– Пойдем, Лабид, чего уж теперь... Хоть супу поедим. Мы какими-то не своими, незнакомыми ногами подошли к крыльцу, отряхнулись машинально от сенной трухи и только хотели войти в дом, как во двор торопливо вбежала Жанзиля.

– Это из-за вас плачет Жануся? Что вы ей сказали? Ой, горе мне! Да что это я на вас напустилась? Сама ведь обманула ее сегодня, а она, бедняжка, пробежала мимо меня, даже не оглянулась.

Жанзиля принялась хлопотать у очага, приговаривая:

– Сейчас, сейчас накормлю – вижу, что измучились. А меня дела неотложные доконали, даже детей покормить некогда, – но чувствуется по всему, что у нее, как и у нас, из головы не выходит Жануся, и она невпопад жалобно просит нас: – Не обижайте ее – она с самого утра за вами бегает... – и просительно заглядывает нам в глаза. – Может, в школу сейчас, а? Бегите-ка. Это она из-за вас убивается, сердешная. Вы догоните ее, успеете. Бегите, милые... Ожесточило нас время злое, да она, наша Жануся, не из тех, кого можно обижать... Бегите, дети, бегите, пока не поздно!.. А я, что сготовлю, прямо в школу принесу для вас троих.

Жанзиля проводила нас за ворота.

Мы не опоздали.

Посреди широкого школьного двора и по сей день стоит столб, а на нем – старый лемех (в те военные годы он заменял нам колокольчик!). По лемеху Жануся и ударяла череслом [1], сзывая нас на занятия. Звук был надтреснутый, но все же мелодичный и странный, не похожий ни на что иное. Нам с Мурадином она улыбнулась просто:

– Бегом, бегом! Не опаздывайте!

Только «колокольчик» школьный ее стал еще более отзывным и радостно-заливистым...

Этот «колокольчик» Жануси до сих пор нет-нет и зазвенит нам с Мурадином из нашего, теперь такого далекого детства, согреет наши души, заставит пристальней оглянуться вокруг: может, и мы нужны теперь кому-то, как нужна нам всегда была наша первая

учительница, только не хватало нам душевного опыта, чтобы понять все это тогда, при ее жизни...

Этот школьный «звонок» и вчера малиновым звоном рассыпался в нашем сердце, зазвенел в наших ушах, когда мы стояли над ее могилкой – то ли колокольчик, то ли далекий, невозвратный голос нашей Жануси...

[1] Чересло – часть плуга.

Кашиф Мисостович Эльгар (Эльгаров).

Ночное солнце: Повести и рассказы.

Пер. с кабард. – М.: Сов. Россия, 1984. – 256 с. Перевод В. Цыбина. Некауалар